КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го мая **№ 10.** 1865 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПРЕПОДАВАНІЕ ЗАКОНА БОЖІЯ.

Младшему возрасту въ народныхъ школахъ.

I.

Первые семь или восемь лѣтъ дитяти изъ всей жизни его есть часть самая важная и самая вліятельная на его будущность. Потому нельзя сказать, чтобы въ этомъ возрастѣ было рано начинать религіозное и нравственное воспитаніе. Такова воля Господа: *оставите дѣтей приходити ко мнѣ и не браните имъ: таковыхъ бо есть царствіе Божіе.*

Впечатлительный характеръ этихъ малыхъ дѣтей, довѣрчивая простота души ихъ, чистота и невинность ихъ сердца, всё располагаетъ ихъ слушать слово Божіе, внимать божественнымъ истинамъ, лишь бы только сообщали ихъ имъ просто и соотвѣтственно ихъ разумѣ-

нію. Иначе, какъ понять ихъ спокойствіе при урокахъ, ихъ вниманіе! Какъ объяснить то, что они трогаются и испытываютъ душевное удовольствіе, когда имъ говорятъ о всеблагомъ Богѣ, о дѣтствѣ Іисуса, объ ангелѣ хранителѣ, о первомъ человѣкѣ?

Уже родительскій домъ успѣлъ положить въ ихъ сердцахъ сѣмена чувствъ религіозныхъ. Довѣренность дѣтей къ своимъ родителямъ, ихъ любовь и привязанность къ нимъ, уже направляютъ ихъ взоръ къ Богу, Который есть общій отецъ ихъ родителей и невидимый отецъ всѣхъ человѣковъ.

Научая дѣтей повиновенію, требуя отъ нихъ добраго поведенія, непрестанно указывая имъ въ Богѣ нашего законодателя и мздовоздаятеля, родители тѣмъ самымъ пробуждаютъ въ нихъ совѣсть.

Дитяти сказано, что въ крещеніи онъ сталъ христіаниномъ и чадомъ Божіимъ, что онъ принадлежитъ церкви Христовой, что онъ созданъ для неба. Въ селѣ своемъ онъ видитъ церковь, въ которую вѣрующіе собираются для молитвы и поклоненія Богу; онъ ходитъ въ нее съ своими родителями, братьями, сестрами и замѣчаетъ тамъ обряды религіозные; на сколько позволяетъ возрастъ, онъ самъ участвуетъ въ различныхъ благочестивыхъ дѣйствіяхъ тамъ совершаемыхъ. Отъ матери онъ научился крестному знаменію и принялъ первыя начала катихизиса; она пріучила его соединять персты для молитвы, и чаще возносить свое сердце къ Богу, Отцу Небесному, чтобы благодарить Его за тѣ благодѣянія, которыя Онъ ниспосылаетъ ему всякой день; худо ли хорошо ли, онъ читаетъ молитву Господню, ангельское привѣтствіе, и другія молитвы, которымъ научила его мать.

Съ этими первыми понятіями дитя вступаетъ въ школу. Сознаніе его, можетъ быть, еще не больше какъ чистая форма; онъ не понимаетъ внутренней силы словъ, которыя произноситъ; его идеи относительно этого предмета не опредѣлимы и не ясны. Ничего! Начала вѣры и нравственности, принятыя имъ, однако оставили въ немъ болѣе или менѣе глубокое впечатлѣніе, и онъ готовъ принять наставленіе болѣе широкое, по мѣрѣ того какъ будетъ развиваться его разумѣніе.

Отвергать важность вліянія родительскаго дома на нравственное и религіозное воспитаніе начинающихъ ученіе, значило бы дать случай послѣднимъ больше отдавать предпочтенія другимъ отраслямъ знанія, чѣмъ религіозному обученію. Дѣйствуя такимъ образомъ, можно сообщить дитяти такое несчастное направленіе, что главной заботой его будетъ учиться тому, что обѣщаетъ ему житейскія выгоды, а самое важное, т. е. то, что относится къ жизни вѣчной, онъ будетъ оставлять въ небреженіи.

Медлить развитіемъ религіознаго чувства у малыхъ дѣтей значило бы обнаруживать совершенное незнаніе потребностей ихъ и полное отсутствіе точныхъ понятій о направленіи, которое нужно дать имъ. Здѣсь въ этомъ возрастѣ должно полагать основанія *всякаго дальнѣйшаго обученія,* а слѣд. и основанія религіи и нравственности. И такъ наставникъ, проникнутый живою вѣрою въ Господа нашего Іисуса Христа, источника всякой благочестивой жизни, озаботится вести своихъ малыхъ воспитанниковъ къ Тому, Который есть лучшій другъ дѣтей.

Приступимъ теперь къ рѣшенію слѣдующихъ двухъ вопросовъ:

Чему въ дѣлѣ религіи нужно учить дѣтей низшаго класса?

Какъ должно вести дѣло обученія по этому предмету?

а) Уроки религіи для низшаго класса должны обнять всё то, что подходитъ подъ мѣру разумѣнія воспитанниковъ, всё то, что въ этомъ возрастѣ необходимо для пробужденія чувства нравственнаго и религіознаго. Затѣмъ, такъ какъ дитя уже принимаетъ участіе въ общественныхъ молитвахъ, въ божественной службѣ, святой литургіи, въ праздникакъ и религіозныхъ обрядахъ; такъ какъ оно дѣлается участникомъ всей христіанской практики, получаетъ окропленіе водою святою, творитъ на себѣ крестное знаменіе и пр.; то необходимо дать ему на то приличныя объясненія, чтобы всѣ эти религіозныя дѣйствія оно не исполняло машинально или безсознательно.

Конечно, не легко будетъ объяснить имъ всё это должнымъ образомъ, но нельзя отрицать возможности сообщить имъ хотя нѣкоторыя полезныя и въ тоже время и подходящія къ ихъ разумѣнію понятія.

б) Что касается до того какъ преподавать ученіе о религіи въ низшемъ классѣ, то вотъ что мы предлагаемъ.

Чтобы ввести дитя въ ученіе о религіи, нужно ему объяснить его отношенія къ Богу и ближнимъ, сравнивая ихъ съ отношеніями существующими между имъ и его родителями. Напримѣръ ему можно сказать: у тебя, мое любезное дитя, есть отецъ и мать, которые тебя очень любятъ. Они заботятся о тебѣ, кормятъ, одѣваютъ; посылаютъ тебя въ училище, чтобы ты тамъ научился чему нибудь. Твоимъ родителямъ хочется,

чтобы ты сдѣлался уменъ и добръ, и чрезъ это могъ быть счастливъ; ихъ желанія въ разсужденіи тебя самыя лучшія. Съ своей стороны и ты любишь своихъ родителей, хочешь быть благодарнымъ къ нимъ и слушаться ихъ во всемъ. Но у тебя есть другой Отецъ—Небесный; Его нельзя видѣть; Онъ не подлежитъ нашему тѣлесному оку. Онъ не только твой отецъ,—Онъ отецъ и всѣхъ прочихъ дѣтей. Онъ отецъ также твоихъ родителей и всѣхъ людей. Сей отецъ, Который на небесахъ, сотворилъ свѣтозарное солнце и всѣ звѣзды. Онъ далъ жизнь птицамъ, что̀ летаютъ въ воздухѣ, рыбамъ, что̀ плаваютъ въ водѣ, животнымъ, что живутъ въ домахъ, на поляхъ, въ лѣсахъ. Сей отецъ небесный создалъ деревья и цвѣты, горы и воду; всё Имъ создано. По Его волѣ произрастаютъ растенія и распускаются прекрасныя цвѣты. Онъ далъ перья птицамъ и Онъ же печется, чтобы они имѣли пищу. Онъ произращаетъ траву для овецъ, коровъ, лошадей и пр. Для людей, по Его волѣ, вызрѣваетъ хлѣбъ, яблоки, груши, сливы и всѣ другіе плоды. Небесный Отецъ нашъ простираетъ свои попеченія на всѣхъ людей, на тебя и на твоихъ родителей. Все, что есть у нихъ, домъ, одежда и пр., они получили отъ Него. Вотъ почему они молятся, научили и тебя молиться и говорить: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ*. Этого благаго отца и ты долженъ любить отъ всего сердца твоего, также быть благодарнымъ ему, и всегда охотно съ любовію исполнять то, чего Онъ хочетъ отъ тебя.

Послѣ подобнаго разговора, наставникъ перейдетъ къ разсказамъ священной исторіи. Онъ начнетъ исторіей творенія, затѣмъ представитъ другія черты ветхаго и новаго завѣта; онъ конечно будетъ выбирать предметы

подъ силу дѣтямъ этого возраста, и составитъ изъ нихъ насколько нужно, связное цѣлое.

Разсказы эти, если вести ихъ въ простыхъ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ, безъ поспѣшности, тономъ важнымъ и съ помазаніемъ, внушаютъ дѣтямъ уваженіе къ слову Божію, возбуждаютъ вниманіе и трогаютъ сердце.

Нужно избѣгать продолжительности въ урокѣ и требовать отъ воспитанниковъ наибольшей тишины и внимательности. Изложивши дѣло, наставникъ дѣлаетъ имъ вопросы, чтобы увѣриться, хорошо ли они удержали текстъ. За тѣмъ онъ пробуетъ, не повторятъ ли они сказанное по порядку. Во время разсказа не должно дѣлать приложеній (нравственныхъ выводовъ), чтобы не отвлекать вниманія воспитанниковъ отъ исторіи и не ослаблять впечатлѣнія производимаго на сердце ихъ. Когда урокъ будетъ наконецъ вполнѣ внѣдренъ въ нихъ, тогда ничто не мѣшаетъ закончить нравственнымъ приложеніемъ—заключеніе необходимое и естественное, видимое самимъ дитятею.

Священная исторія въ низшемъ классѣ есть основаніе преподованія закона Божія. Изъ ней не проминетъ наставникъ выяснить и ученіе вѣры и нравственности всякій разъ, какъ къ тому представляется случай и насколько позволяетъ степень развитія воспитанниковъ; точно такимъ же образомъ, по поводу разсказа, онъ истолкуетъ имъ различныя благочестивыя упражненія, религіозные обычаи и проч. Чтобы дѣтямъ легче удерживать истины вѣры и правила нравственности, извлекаемыя изъ священной исторіи, въ тоже время ихъ нужно заставлять заучивать наизустъ: *Вѣрую*, *десять заповѣдей* и тѣ уроки или вопросы катихизическіе, которые

имѣютъ какое либо отношеніе къ изъясненному событію священной исторіи

II.

Самое преподаваніе. *Ветхій Завѣтъ.*

1. Сотвореніе неба и земли.

1) *Чтеніе изъ Исторіи.* Солнце, которое сіяетъ на небѣ днемъ, луна и звѣды, которыя блещутъ ночью, не всегда они свѣтили. Точно также, горы и долины, камни, вода, рыбы, деревья, растенія, птицы имѣли начало. Но Господь Богъ всегда былъ; Онъ *существуетъ отъ вѣчности и онъ сотворилъ все то, что есть.* Богъ сказалъ: да будетъ твердь, то есть безконечное пространство, что есть надъ головами нашими, и тотчасъ создалась твердь и проч.

Мы не думаемъ представлять здѣсь повѣствованій такъ, какъ должно ихъ предлагать дѣтямъ. Нѣсколькихъ словъ достаточно, чтобы указать, какъ вступать въ дѣло и вести его. Мы ограничимся краткимъ очеркомъ.

При чтеніи, сколько возможно, удерживается текстъ священной исторіи; останавливаться только на главныхъ событіяхъ и опускать обстоятельства второстепенной важности.

2. *Нравственное приложеніе предыдущаго разсказа.*

1) Богъ сотворилъ небо и землю. Онъ сказалъ: пусть всё сдѣлается, и всё сдѣлалось. На небѣ Онъ водворилъ ангеловъ, о которыхъ я вамъ скажу послѣ. Онъ сдѣлалъ землю твердою, водѣ повелѣлъ течь, травѣ, кустарникамъ, деревьямъ расти. Надъ нашими головами Онъ помѣстилъ солнце и звѣзды, на землѣ животныхъ, въ водѣ рыбъ.

Богъ сдѣлалъ всё, что угодно было сотворить Ему. Вотъ почему мы говоримъ: *Богъ есть Творецъ.*

По волѣ Божіей, свѣтоносное солнце восходитъ и производитъ день, чтобы люди могли видѣть и трудиться. По волѣ Божіей солнце заходитъ, чтобы дать людямъ утружденнымъ работою время отдохнуть. Какъ всё хорошо распредѣлено Господомъ Богомъ! По Его же опять волѣ всякій годъ выростаетъ трава въ пищу животныхъ, хлѣбъ и плоды—въ пищу людей. И такъ Онъ и заботится о сохраненіи существъ имъ созданныхъ, и проч.

Примѣчаніе. Существенный пунктъ—избѣгать сбивчивости въ приложеніяхъ. Если кому хочется къ одной и той же исторіи сдѣлать болѣе чѣмъ одно приложеніе, то пусть тотъ на первый урокъ ограничится однимъ, и оставитъ другое на повтореніе урока.

2. Сотвореніе человѣка.

1) *Чтеніе.* Небо и земля были сотворены и назначены въ жилище Адаму и Евѣ. Богъ сказалъ и проч.

2) *Приложеніе.* Богъ сотворилъ Адама и Еву добрыми и непорочными. Всё то, что Богъ сотворилъ, хорошо. Все, что Богъ дѣлаетъ, хорошо дѣлаетъ. Богъ любитъ всѣхъ людей, которые добры, не лгутъ и проч. Это Его любимые дѣти

3. Рай земной.

1) *Чтеніе.* Богъ сотворилъ прекрасный садъ и ввелъ въ него человѣка и проч.

2) *Приложеніе.* Какъ были счастливы Адамъ и Ева. Богъ хотѣлъ сдѣлать всѣхъ людей также счастливыми. Какъ Онъ любитъ людей! сколько печется объ нихъ. И намъ съ своей стороны нужно любить Бога больше всего.

4. Паденіе Адама и Евы.

1) *Чтеніе.* Адамъ и Ева могли вкушать плоды отъ всѣхъ деревъ райскихъ и проч.

2) *Приложеніе.* Адамъ и Ева оказали непослушаніе Богу; *они согрѣшили.* Какая неблагодарность къ Господу Богу! Они были очень виновны.

Наставникъ продолжаетъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

5) Наказаніе за первый грѣхъ.
6) Обѣтованіе Спасителя.
7) Каинъ и Авель.
8) Потопъ.
9) Ной и дѣти его.
10) Башня Вавилонская.
11) Призваніе Авраама.
12) Гостепріимство Авраама.
13) Послушаніе Авраама.
14) Іосифъ проданный своимы братьями.
15) Іосифъ въ домѣ Пентефрія.
16) Іосифъ въ темницѣ.
17) Освобожденіе Іосифа.
18) Возвращеніе Іосифа.
19) Первое путешествіе братьевъ Іосифа въ Египетъ.
20) Второе путешествіе ихъ туда же.
21) Іосифъ узнанный братьями.
22) Путешествіе Іакова въ Египетъ.
23) Угнетеніе израильтянъ и Моvсей — дитя, подкинутый на берегу рѣки.
24) Призваніе Моvсея. Моvсей и Ааронъ предъ фараономъ.
25) Изшествіе изъ Египта и переходъ чрезъ Черное море.

26) Манна въ пустынѣ.
27) Вода изъ камня.
28) Десять заповѣдей Божіихъ.
29) Вступленіе въ землю обѣтованную

(Продолженіе будетъ.)

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ЧЕСТЬ И ПАМЯТЬ ЛОМОНОСОВА *).

письмо къ брату.

Понятно мнѣ, другъ мой, горячее желаніе твое знать всѣ подробности Ломоносовскаго праздника. Мы съ дѣтства привыкли съ тобой благоговѣть предъ великимъ именемъ нашего перваго ученаго, хоть наши понятія о немъ были и недостаточны и односторонни, потому что намъ представляли его только какъ поэта, но за то, помнишь ли,—какъ восхищались мы его „Подражаніемъ Іову," какъ энергически декламировалъ я съ каѳедры передъ учителемъ нашимъ, незабвеннымъ Алексѣемъ Петровичемъ Лебедевымъ, „Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія?" Съ насъ строго и весьма справедливо взыскивали, когда мы, вмѣсто Ломоносова и Державина, хватались за „Кавказскихъ плѣнниковъ" и „Бахчисарайскіе фонтаны" или за „Черецовъ" Козлова; педагоги наши опасались, чтобы въ юныя сердца ихъ питомцевъ не запали сѣмена растлѣнія, которыми такъ богата страстная поэзія Пушкина, Баратынскаго, Козлова, Языкова и всей этой плеяды стихослагателей, составлявшихъ хвостъ своего свѣтила—Пушкина. Они знали, что Ломоносовъ ни однимъ словомъ не оскорбитъ цѣло-

*) Дом. Бес. 1865 г. Вып. 16-й.

мудреннаго чувства дитяти, ни одной мыслію не осквернитъ святыхъ его вѣрованій. По граматикѣ Ломоносова выучились мы съ тобой и писать грамотно; его рѣчи были для насъ и образцомъ краснорѣчія; мы, значитъ, съ тобой воспитанники Ломоносова, и потому понятно, почему тебѣ хочется знать о нашемъ праздникѣ. И у меня, другъ мой, трепетало сердце не бывалымъ восторгомъ при этой торжественной оваціи, какой достойно и праведно удостоился человѣкъ ума и воли. „Петръ, „говорилъ г. Ламанскій, вдвинулъ Россію въ семью евро„пейскихъ государствъ и обезпечилъ за нею всемірное „политическое вліяніе; съ Ломоносова начинается наша „наука, наша литература, начинается то всестороннее „духовное развитіе, которымъ мы доказали Европѣ, „что сильны не одною только внѣшнею и матеріаль„ною силою."

Праздникъ нашъ начался 6 апрѣля, по православному, молитвою и заупокойнымъ богослуженіемъ о душѣ усопшаго.

Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сей шумъ? Къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою апостоловъ намѣстникъ?

Эти стихи поэта Батюшкова пришли мнѣ на память въ то время, когда я, въ числѣ многихъ, спѣшилъ въ Александроневскую Лавру, чтобы помолиться за нашего великаго человѣка. Отрадно было видѣть это смѣшеніе всѣхъ сословій, званій и состояній, проникнутыхъ одною мыслію, однимъ желаніемъ почтить память того холмогорскаго рыбака, который по неисповѣдимымъ

судьбамъ Божіимъ, покинувъ мрежи своей родины, сталъ ловцомъ-исполиномъ, уловляющимъ души и выводящимъ ихъ изъ тьмы невѣдѣнія на свѣтъ Божій. Свято-Духовская церковь была полнымъ полна народа; даже на хорахъ не было мѣста, какъ говорится, гдѣ яблоку упасть; и когда, послѣ малаго входа, на литургіи, архидіаконъ возгласилъ: *во блаженномъ успеніи*,—тишина сдѣлалась невообразимая; всѣ притаили дыханіе, чтобы услышать драгоцѣнное имя Михаила, почившаго назадъ тому сто лѣтъ.

Божественную литургію совершалъ высокопреосвященный *Исидоръ*, митрополитъ с. петербургскій съ сослужившими ему 6-ю архимандритами; а въ панихидѣ, кромѣ ихъ, приняли участіе: высокопреосвященнѣйшій *Арсеній*, митрополитъ кіевскій, *Филоѳей*, архіепископъ тверской, *Платонъ*, архіепископъ рижскій, *Филаретъ*, епископъ уфимскій, *Герасимъ*, епископъ ревельскій, *Іоаннъ*, епископъ выборгскій, ректоръ духовной академіи,—протопресвитеръ, духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, *Василій Борисовичъ Бажановъ*, архимандриты и іеромонахи въ довольномъ числѣ. Стоя на возвышеніи, я по временамъ окидывалъ взорами это блестящее собраніе, въ средѣ котораго было все, что есть знаменитаго въ наше время, начиная отъ представителей государственной администраціи до литераторовъ, честно служащихъ ломоносовскому дѣлу,—и всѣ эти лица, изъ коихъ самая большая часть украшена была знаками высшихъ отличій, сошлись въ храмъ Божій, чтобы почтить память простаго холмогорскаго рыбака, сдѣлавшагося славою и украшеніемъ Россіи,—и всѣ они смиренно преклоняются при имени, произносимомъ въ молитвенныхъ воздыханіяхъ церкви православной. Такъ-то

высоко возносится геній надъ всѣми условіями міра гражданственнаго, такъ-то властно подчиняетъ онъ себѣ умы и воли, не охотно подчиняющіяся другимъ человѣческимъ умамъ и волямъ! Что чувствовала душа отшедшаго въ эти торжественныя минуты совокупныхъ молитвъ церкви! Какою радостію, должно быть, взыграла она, возбужденная отъ столѣтняго своего покоя шумомъ празднующихъ блаженное ея отшествіе изъ сего міра! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нашъ праздникъ былъ и ея праздникомъ, наше радованіе и ея радованіемъ. Слезъ тутъ не было, да и не могло быть: мы молились только о томъ, чтобы Господь Богъ, такъ дивно прославившій раба Своего на землѣ, вѣнчалъ его и на небѣ честію и славою въ ликѣ праведныхъ, сотворившихъ волю Пославшаго ихъ.

По окончаніи богослуженія, блестящая процессія двинулась къ кладбищу, гдѣ подъ пышнымъ памятникомъ *) почиваетъ прахъ великаго человѣка. Густыя, почти непроницаемыя толпы народа провожали соборъ святителей, шествовавшихъ на могилу раба Божія Михаила, чтобы произнести надъ нею молитвенно-привѣтственныя слова вѣры, надежды и любви, чтобъ сказать ему радостное: „Христосъ воскресе!“ Всѣ возвышенія, всѣ памятники были унизаны народомъ, и великое множество его стояло передъ входомъ на кладбище, ловя жаднымъ слухомъ доносившіеся до нихъ звуки церковныхъ пѣснопѣній. Примкнувъ къ одной изъ группъ,

---

*) Памятникъ этотъ поставленъ покровителемъ Ломоносова, княземъ Михаиломъ Иларіоновичемъ Воронцовымъ, а возобновленъ въ 1832 г. внукомъ его княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ.

состоявшей человѣкъ изъ шести простолюдиновъ, я случайно сдѣлался свидѣтелемъ происходившаго между ними разговора, и со скорбію долженъ сознаться, что мы вовсе не умѣемъ дорожить нашею національною славой.

— Ктожъ онъ былъ такой? спрашивалъ одинъ изъ стоявшихъ.

— А кто его знаетъ, отвѣчалъ другой. Надо быть большой баринъ.

— Колибъ то баринъ, возразилъ третій, а то простой мужикъ, говорятъ.

— За чтожъ ему честь такая?

— А Господь ихъ знаетъ. Сочинителемъ — вишь былъ, книжки писалъ.

Мнѣ стало до слезъ грустно. Я вмѣшался въ разговоръ, и, на сколько позволяло время и мѣсто, раскрылъ передъ импровизированными моими слушателями жизнь, заслуги и значеніе Ломоносова.

— А въ Бога-то онъ вѣровалъ? неожиданно спросилъ меня одинъ изъ слушавшихъ рѣчь мою. А то вѣдь нынѣшніе-то ученые таковы, что имъ грѣхъ и мѣсто дать на христіанскомъ кладбищѣ.

Этотъ мелькомъ брошенный намекъ на современное состояніе нашей науки заставилъ меня крѣпко призадуматься, и послѣ разныхъ соображеній придти къ тому заключенію, что русскій, православный человѣкъ прежде и болѣе всего чествуетъ не умъ и знанія, а любовь къ Богу и Церкви Его святой. Тѣмъ не менѣе все таки грустно, что народъ нашъ такъ мало знаетъ о тѣхъ личностяхъ, которыя составляютъ славу его. Намъ, присяжнымъ ученымъ, предстоитъ задача ознакомить его на первый разъ съ жизнію и характеромъ

Ломоносова и поставить его къ народу именно той стороной, которая болѣе возбуждаетъ въ немъ любви и уваженія. Научныя открытія и литературные труды должны стать на второмъ планѣ и освѣтиться тѣмъ свѣтомъ, которымъ горѣла душа его, излившаяся въ „Утреннемъ и Вечернемъ размышленіи о Божіемъ величествѣ", въ „подражаніи Іову" и другихъ подобнаго рода твореніяхъ.

Изъ храма Божія всѣ любители просвѣщенія отправились въ Академію Наукъ, гдѣ назначено было торжественное собраніе въ память Ломоносова, содѣйствовавшаго величію этого заведенія, основаннаго по мысли и намѣренію великаго Петра. Засѣданіе открылось рѣчью академика г. Грота. Въ сжатомъ, но прекрасномъ и подробномъ очеркѣ изложилъ онъ жизнь и дѣятельность Ломоносова на пользу отечественнаго просвѣщенія. Нельзя было безъ особеннаго удивленія слышать о многообразныхъ его трудахъ, и какъ-то не вѣрилось, чтобы человѣкъ собственными силами могъ совершить все то, что совершилъ этотъ холмогорскій рыбакъ, долженствовавшій начать прежде образованіе самаго себя, что называется, съ азовъ, и съ азовъ же повести русскую науку до послѣднихъ ея выводовъ, изумившихъ такихъ европейскихъ ученыхъ, какъ Вольфъ и Эйлеръ. Невольно приходили при этомъ на память слова Писанія, что сила Божія въ немощехъ совершается, что *уничиженная и буяя міра избираетъ Богъ да премудрыя посрамитъ*. Борьба Ломоносова съ иноземцами, преступившими нашъ порогъ и давившими всякое самородное проявленіе русскаго ума, его стойкость и непостижимое упорство въ достиженіи недостижимыхъ, по видимому, цѣлей, его всеобъемлющій

геній, для котораго все было по плечу, даже его недостатки—все это такъ и хватало за душу, такъ и вызывало горячее слово участія. Имена Шумахера, Тауберта и другихъ гелертеровъ, поставлявшихъ на всякомъ шагу препоны нашему первому ученому, носились передъ очами собранія какими то темными гномами, и затаенный ропотъ негодованія колебалъ неподвижную массу внимательныхъ слушателей. Громкими и продолжительными рукоплесканіями провожала публика г. Грота съ кафедры, и присутствовавшіе съ болѣе уясненнымъ уже сознаніемъ взорами привѣтствовали другъ друга съ великою находкой, которой суждено было пролежать почти въ неизвѣстности въ теченіи ста лѣтъ.

На другой день, то есть, 7-го апрѣля, былъ въ дворянскомъ собраніи такъ называемый ломоносовскій обѣдъ. Но не блюда, не яства и питія имѣли здѣсь существенный интересъ, а то, что пѣлось и читалось въ антрактахъ между звонкомъ метръ-д'отеля. Въ роскошно-убранной растеніями и цвѣтами, и ярко освѣщенной залѣ расположилось болѣе 500 человѣкъ гостей; на одной эстрадѣ, съ которой потомъ произносились и рѣчи, сквозь густую зелень виднѣлся бюстъ Ломоносова, увѣнчанный лаврами. Передъ каждымъ столовымъ приборомъ лежала превосходно отлитографированная программа праздника, на которой прежде всего бросалась въ глаза счастливо придуманная виньетка. Вверху, съ лѣвой стороны, подъ связкою рыбъ представлена убогая рыбачья хижина, близъ которой на лавочкѣ сидѣлъ мальчикъ съ книгою, а подлѣ него женщина, которая, какъ видно, учитъ его читать; въ сторонѣ отъ нихъ два крестьянина, сталкивающіе съ берега лодку; одинъ изъ этихъ крестьянъ постарше, думать надобно, отецъ мальчика, обра-

щается съ энергическимъ жестомъ къ женщинѣ и какъ будто укоряетъ ее за то, что она отрываетъ парня отъ дѣла. Пониже этого представленъ Ломоносовъ, окруженный всѣми принадлежностями науки: книгами, тетрадями, зрительными трубами, глобусами, ретортами и т. д. Онъ стоитъ въ задумчивомъ положенiи, опершись правою рукою на столъ. Еще ниже—колѣнопреклоненный Ломоносовъ лобызаетъ руку императрицы Екатерины, окруженной вельможами; а въ самомъ низу наука и поэзiя вѣнчаютъ портретъ Ломоносова. Мысль превосходная! Тутъ всѣ четыре момента жизни нашего великаго ученаго. Жаль, что эта мысль не выполнена въ картинѣ большаго размѣра. Положительно можно сказать, что она составила бы украшенiе всякаго порядочнаго кабинета.

Когда мы входили въ залу,—оркестръ, подъ управленiемъ Лядова, гремѣлъ польскiй „Слава", и за тѣмъ, когда всѣ размѣстились за накрытыми столами, исполненъ былъ „Пиръ Владимiра" изъ оперы „Рогнѣда". Наконецъ въ ложѣ появился г. А. Майковъ, и гомонившая до сихъ поръ публика вся обратилась въ слухъ и вниманiе. Поэтъ читалъ стихотворенiе, написанное имъ по настоящему случаю. Чтенiе въ нѣсколькихъ мѣстахъ прерывалось громкими рукоплесканiями,— и дѣйствительно, было за что рукоплескать поэту. Каждый стихъ, каждое слово было глубоко прочувствованы имъ; въ каждой строфѣ выражался какой нибудь моментъ изъ жизни Ломоносова. Но мнѣ крайне не понравилась вообще манера чтенiя, хоть г. Майковъ читалъ далеко лучше и г. Полонскаго и г. Гончарова. Эта ходульная декламацiя, эта безтонная пѣвучесть, эти отдѣляемыя рѣченiя чуть не по слогамъ, это неумѣнье

придать надлежащій вѣсъ господствующему въ извѣстномъ предложеніи слову, наконецъ, эта сценическая жестикуляція, рѣшительно несвойственная ораторскому искуству—подѣйствовали на меня весьма непріятно, и я порѣшилъ. . . нѣтъ, не скажу, что я порѣшилъ.

За тѣмъ,—а можетъ быть и не за тѣмъ, потому что я теперь не помню порядка.—начались тосты. Первый тостъ, какъ и слѣдовало, въ честь Государя Императора. Громкое ура, сопровождаемое тушами оркестра, потрясло стѣны огромной залы и не умолкло до тѣхъ поръ, пока оркестръ не заигралъ слѣдующаго гимна, пропѣтаго артистами русской оперы.

Слава на небѣ красному солнышку! Слава!
А на землѣ Государю великому! Слава *)!
Чтобы царству Его прославлятися!
Чтобъ народу Его благоденствовать!
Чтобы судьямъ Его судить правильно!
Чтобы войску Его сіять доблестъю!
Чтобъ подъ сѣнью Его цвѣсти знаніямъ!
Чтобъ Россіи Его славить во вѣки!
Мы Царю Государю славу поемъ,
Славу поемъ, Царю честь воздаемъ.

Тостъ въ честь Государыни Императрицы встрѣченъ былъ съ тѣмъ же восторгомъ; при чемъ было пропѣто:

Слава на небѣ утренней зорюшкѣ! Слава!
А на землѣ Государынѣ ласковой.
Чтобъ Ей здравствовать въ счастіи, въ радости,
Чтобъ улыбкою и ласкою народъ радовать.

---

*) Къ концу каждаго стиха прибавляется: *слава!*

Православной Царицѣ мы славу поемъ,
Славу поемъ, мы Ей честь воздаемъ.

Наконецъ провозглашенъ былъ тостъ за Государя Наслѣдника Цесаревича и всего Августѣйшаго Дома Ихъ. Другъ мой, я не могу вообразить себѣ, чтобы лучше и выразительнѣе могла сказаться русская душа, огнемъ-полымемъ горящая любовью къ Богоизбранному Помазаннику и Его Царственному Сыну, какъ сказалась она въ эти священныя минуты. Тебѣ, конечно, извѣстно, грустныя телеграммы получаемыя мы теперь изъ Ниццы о здоровьи Государя Наслѣдника. Съ какимъ замираніемъ сердца ожидаемъ мы болѣе утѣшительныхъ извѣщеній, и какъ отправлялся нашъ праздникъ народный мыслію о болѣзни Царственнаго Первенца и о скорби Державнаго Его Отца Монарха и Августѣйшей, нѣжно любящей Его Матери... И вотъ, когда провозглашенъ былъ тостъ,— громкое ура, длившееся несравненно долѣе, чѣмъ всѣ прежнія, нѣсколько разъ прерывало пѣніе гимна, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ упоминался Онъ—нашъ „мѣсяцъ ясный", гдѣ возносилась о Немъ народная молитва.

Чтобы жить ему—тѣшить родителей,
Чтобъ людямъ на него глядѣть—тѣшиться.

Въ этомъ ура слышались звуки непритворно встревоженнаго серца: какъ будто возглашавшіе этотъ побѣдный кличъ старались замѣнить имъ слово молитвы, какъ будто они силились испросить имъ у жизни Подателя возстановленія драгоцѣннаго для всей Россіи здоровья. Въ этомъ ура мнѣ слышались другія слова: „вставай,

нашъ соколъ ясный, на утѣшенье твоимъ родителямъ, вставай, на радость твоей Россіи! Дай намъ налюбоваться, натѣшиться тобою!" Я самъ кричалъ ура, но въ голосѣ моемъ звучали дрожащія ноты, а на сердцѣ кипѣли едва сдерживаемыя слезы....

Присутствовавшіе на этомъ праздникѣ единогласно потребовали, чтобы немедленно послана была распорядителями депеша въ Ниццу, съ искреннимъ, сердечнымъ пожеланіемъ скораго выздоровленія Государю Наслѣднику. Передаю содержаніе этой депеши, написанной по французски и посланной въ Ниццу на имя графа С. Г. Строганова.

„Предложенный тостъ за здоровье Государя „Наслѣдника принятъ былъ среди тысячи собрав„шихся на юбилей Ломоносова съ безпримѣрнымъ энту„зіазмомъ и сочувствіемъ, доходившимъ до слезъ. Распо„рядители праздника считаютъ обязанностію просить васъ „довести объ этомъ до свѣдѣнія Его Высочества, „если то дозволитъ его положеніе."

Царственные гимны смѣнились гимномъ и холмогорскому рыбаку, прославившему собою царство русское. Мы пѣли ему:

Славься, славься, великій мужъ!
Ты насадитель наукъ на Руси!
Доброе сѣмя посѣялъ ты въ ней!
Жатва все зрѣетъ что годъ, то пышнѣй!
Мы ужь дѣти его,
Пожинаемъ труды;
Лѣтъ не много пройдетъ,
И вся Русь ихъ пожнетъ;

Весь народъ возгласилъ:
Память во всѣхъ
Ломоносову!

Остальные тосты были за процвѣтаніе въ Россіи наукъ и литературы; въ память покровителей и друзей Ломоносова и за благоденствіе русской земли.

Да, другъ мой, повторяю—это былъ въ собственномъ смыслѣ нашъ русскій, національный праздникъ. „Благо, скажу вмѣстѣ съ г. Ламанскимъ, странѣ, которая помнитъ оказанныя ей услуги и умѣетъ чтить ихъ достойнымъ образомъ!“

„Для всесторонней оцѣнки *) Ломоносова, необходимо обратить полное вниманіе на множество разнообразныхъ препятствій, съ которыми онъ долженъ былъ бороться въ теченіе своей жизни. Мы подразумѣваемъ здѣсь не ту борьбу съ несочувствовавшими ему людьми, которую онъ выдерживалъ, находясь въ академіи. Въ этой борьбѣ, представляющей рядъ, можно сказать, самыхъ прозаическихъ эпизодовъ въ жизни Ломоносова, нашъ первый русскій академикъ проявилъ всю силу своей преданности дѣлу русскаго просвѣщенія. Но несравненно возвышеннѣе и поучительнѣе борьба его съ тѣми препятствіями, которыя такъ краснорѣчиво описаны въ двухъ письмахъ его, писанныхъ имъ къ своему другу и покровителю И. И. Шувалову. Письма эти писаны въ горькія минуты и изображаютъ Ломоносова такъ, какъ вѣроятно не изобразитъ его ни одинъ біографъ. Потомство справедливо удивляется, что Ломоносовъ, родившійся въ крестьянствѣ, достигъ обширной

*) Сѣв. Поч. 1865 г. № 73.

учености, вслѣдствіе самостоятельнаго, неодолимаго стремленія къ просвѣщенію; но геніальный сынъ рыбака никогда самъ не гордился ни своимъ возвышеніемъ, ни своимъ геніемъ, ни своими знаніями. Только въ упомянутыхъ двухъ письмахъ, по видимому вызваннныхъ на объясненіе самимъ Шуваловымъ, говоритъ онъ о своей жаждѣ къ ученію и о трудностяхъ, съ которыми сопряжено было для него пріобрѣтеніе познаній. „Высочайшая щедрота несравненныя Монархини на-„шея, писалъ онъ къ Шувалову, которую я вашимъ „отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня „отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда „меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ „добровольно, отвратить не умѣла? Не примите, ваше „превосходительство, мнѣ въ самохвальство, что я въ „свое защищеніе представить смѣлость принимаю. Обу-„чаясь въ спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сто-„ронъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, „которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную „силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей „кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я будучи одинъ, „его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамош-„нему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ „потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе „расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: „имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было „имѣть на пропитаніе въ день больше какъ на денежку „хлѣба, и на денежку квасу, протчее на бумагу, на „обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять „лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, „что зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди „дочерей своихъ за меня выдадутъ, которыя и въ мою

„тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школь-
„ные малые ребята кричатъ и перстами указываютъ:
„смотри де какой болванъ лѣтъ двадцать пришелъ ла-
„тинѣ учиться! Послѣ того вскорѣ взятъ я въ Санкт-
„петербургъ и посланъ за море и жалованье получалъ
„противъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня отъ на-
„укъ не отвратило; но по пропорціи своей умножило
„охоту, хотя силы мои предѣлъ имѣютъ. Я всепокор-
„нѣйше прошу ваше превосходительство въ томъ быть
„обнадежену, что я всѣ свои силы употребляю, чтобы
„тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосто-
„рожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ
„недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ
„своемъ неправомъ мнѣніи были, и знать бы научились,
„что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не
„должны". Въ другой разъ Ломоносовъ писалъ къ тому
же Шувалову: „Полученное вчерашняго числа отъ 24-го
„мая письмо Вашего Превосходительства, въ которомъ
„я чувствую непремѣнной знакъ особливой вашей ко
„мнѣ милости, премного меня обрадовало: особливо
„тѣмъ, что Вы объявить изволили свое удостовѣреніе
„о томъ, что я наукъ никогда не оставлю. Въ разсуж-
„деніи другихъ не имѣю я никакого особливаго удив-
„ленія, за тѣмъ, что они имѣютъ примѣры въ нѣко-
„торыхъ людяхъ, которые только лишь себѣ путь къ
„щастію ученіемъ отворили, въ тотъ часъ къ дальнѣй-
„шему происхожденію другія дороги приняли и способы
„изыскали, а науки почти совсѣмъ оставили, имѣя у
„себя патроновъ, которые у нихъ мало или и ничего
„не спрашиваютъ, и не какъ ваше превосходительство
„въ разсужденіе меня дѣлъ требуете, довольствуются
„только однѣмъ ихъ именемъ. Въ помянутыхъ, оста-

„вившихъ въ своемъ счастіи ученіе, людяхъ весьма ясно „видѣть можно, что они только одно почти знаютъ, „что въ малолѣтствѣ изъ подъ лозы выучились, а бу„дучи въ своей власти, почти никакого знанія больше „не присовокупили. А на противъ того (извольте, ми„лостивый государь, не ради тщеславія объявить истину) „имѣючи отца хотя по натурѣ добраго человѣка, однако „въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую и за„вистливую мачиху, которая всячески старалась произ„вести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда „сижу по пустому за книгами. Для того многократно я „принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно „было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть „стужу и голодъ, пока я ушолъ въ Спасскія школы. „Нынѣ имѣя къ тому по Высочайшей Ея Импе„раторскаго Величества милости совершенное „довольство, Вашимъ отеческимъ предстательствомъ, и „трудовъ моихъ одобреніе Ваше и другихъ знателей и „любителей наукъ, и почти общее въ нихъ удоволь„ствіе, и наконецъ уже не дѣтскаго, но совершеннаго „возраста разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ му„жествѣ дать себя посрамить предъ моимъ дѣтствомъ“.

„Эти дышащія столь высокимъ благородствомъ строки свидѣтельствуютъ, какихъ тяжелыхъ трудовъ стоило нашему подвижнику просвѣщенія пріобрѣтеніе познаній. Суровая нужда, голодъ и холодъ, насмѣшки, упреки и гоненіе, любовь къ доброму отцу, неопытность молодости, отсутствіе пособій для ученія и перспектива соблазнительнаго довольства подъ домашнимъ кровомъ въ родной сторонѣ, при школьныхъ лишеніяхъ—все должно было отвлечь юношу отъ труда, и все превозмогла жажда знанія. Это дивное труженичество въ

самомъ высокомъ значенiи, составляетъ по истинѣ поразительную черту въ жизни Ломоносова.

Да послужитъ намъ примѣромъ трудовая жизнь Ломоносова, закалившая его душу для борьбы съ суровою дѣйствительностью, и да поощритъ она насъ смотрѣть на трудъ, какъ на источникъ великихъ дѣлъ! Не всѣ родятся генiями, но всѣ могутъ и должны трудиться, если любятъ свое отечество и желаютъ ему пользы. Удивляясь генiю Ломоносова, цѣня его безсмертныя заслуги, мы можемъ соревновать ему въ трудѣ; но это соревнованiе тогда только можетъ быть плодотворно, когда семья и школа вполнѣ сознаютъ всю важность труда постояннаго и разумнаго".

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ—отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ, ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать.
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россiйская земля раждать...

ВЫНОСЪ И ПОЛОЖЕНІЕ СВ. ПЛАЩАНИЦЫ ВО СВЯТОЙ ЧУДОТВОРНОЙ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ.

Уставомъ церковнымъ, въ большей части священныхъ обрядовъ, обозначается главный чинъ священнодѣйствія; нѣкоторыя же частности его восполняются мѣстными обычаями, сохраняемыми по преданію и согласными съ духомъ православной церкви, хотя отчасти разнообразными въ разныхъ мѣстностяхъ. Эти разнообразныя частности существуютъ и въ обрядѣ, съ какимъ совершается выносъ и положеніе плащаницы въ великій пятокъ. Полезно бы собрать описаніе всѣхъ такихъ мѣстныхъ особенностей и сличить ихъ съ общимъ церковнымъ уставомъ для руководства священнослужителей церкви и для разъясненія встрѣчающихся иногда при этомъ недоумѣній. Съ этою цѣлію представляемъ свѣдѣніе о томъ, какъ происходитъ выносъ плащаницы въ великой церкви старѣйшей въ Россіи кіево-печерской лавры, свято хранящей свое древнее преданіе. *Ред.*

Выносъ св. плащаницы въ великой лаврской церкви обыкновенно совершается слѣдующимъ образомъ. Предварительно, въ великій пятокъ предъ вечерней, св. плащаница *) изъ ризницы, гдѣ она обыкновенно

*) Очень цѣнная: вся шита золотомъ и усѣяна жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

хранится, *) переносится въ такъ называемую подпокойную теплую церковь (во имя 1-го митрополита кіевскаго св. Михаила) и полагается на престолѣ. **) При окончаніи вечерни, которая, въ большой церкви, тогда совершается въ 2 часа пополудни или митрополитомъ священно-архимандритомъ лавры или его намѣстникомъ, по окончаніи пѣнія стиховныхъ стихиръ, при пѣніи пѣсни: „Тебе одѣющагося"... на 5-й гласъ, при погребальномъ трезвонѣ, предстоятель и сослужащіе въ преднесеніи хоругвей и креста, исходятъ изъ большой церкви въ подпокойную, гдѣ на престолѣ бываетъ приготовлена плащаница и окружена по четыремъ угламъ запрестольными подсвѣчниками. Соборъ священнослужащихъ останавливается въ олтарѣ и опять поется пѣснь: „Тебе одѣющагося свѣтомъ"... особеннымъ трогательнымъ лаврскимъ напѣвомъ. По окончаніи этой пѣсни, читается трисвятое и по возгласѣ предстоятеля поется трижды умилительная пѣснь: „Благообразный Іосифъ"... Во время пѣнія этой пѣсни предстоятель совершаетъ кажденіе вокругъ престола и плащаницы и потомъ съ священнослужащими поднимаетъ ее, ***) оставаясь самъ съ евангеліемъ подъ

---

*) Въ лаврѣ, въ кіево-софійскомъ соборѣ и во всѣхъ почти церквахъ Кіева, нѣтъ обычая, чтобы плащаница въ теченіи года хранилась гдѣ либо въ средней части храма на особенномъ столѣ подъ балдахиномъ. Отступленіе отъ этого обычая въ нѣкоторыхъ церквахъ принадлежитъ новому времени.

**) До устроенія этой церкви въ 1840 году, выносъ плащаницы происходилъ изъ лаврской больничой церкви.

***) Въ прочихъ церквахъ Кіева плащаница полагается въ олтарѣ на аналогіяхъ, по кажденіи износится также

плащаницею. Плащаница износится изъ храма въ сопровожденіи четырехъ, стоявшихъ тутъ свѣтильниковъ и пятаго архидіаконскаго подъ балдахиномъ, осѣняемымъ рипидами, и обносится одинъ разъ во кругъ большой церкви, при полномъ колокольномъ звонѣ и при пѣніи пѣсни: „Благообразный Іосифъ"... Послѣ этого св. плащаница вносится въ большую церковь и полагается на приготовленномъ столѣ съ подобающею честію. По окончаніи кажденія во кругъ плащаницы, при пѣніи тропаря св. мироносцамъ, *) предстоятель, сослужащіе по чину и міряне прикладываются къ язвамъ Спасителя; послѣ чего обыкновенно поется канонъ повечерія на плачъ Божіей Матери. Столъ съ плащаницей окружается съ трехъ сторонъ свѣтильниками, вверху плащаницы на особомъ столикѣ поставляется святой крестъ, ликъ Спасителя покрывается воздухомъ; посреди св. иконы Спасителя полагается малое евангеліе. Въ великую субботу, заутреня, которая начинается въ 12 часовъ ночи (съ этого времени до недѣли ѳоминой она отправляется съ 12-ти часовъ ночи, а послѣ того съ 2-хъ), обыкновеннно отпѣвается предъ св. плащаницею съ пѣніемъ XVII каѳизмы и съ кажденіемъ послѣ каждой славы. Предъ великимъ славословіемъ, во время полнаго облаченія священнослужащихъ, поется пѣснь въ честь приснопамятнаго Іосифа аримаѳейскаго. Ходъ съ евангеліемъ направляется сначала къ царскимъ вратамъ, а по воз-

---

чрезъ царскія врата изъ храма запад. дверьми и по троекратномъ обнесеніи вокругъ храма, притомъ же пѣніи какъ и въ лаврѣ, полагается среди храма. Крестнаго хода съ плащаницей на заутрени, за тѣмъ, уже не бываетъ въ Кіевѣ.

*) Если бываетъ проповѣдь, то она обыкновенно произносится въ это время.

гласѣ: „премудрость прости“ къ плащаницѣ, предъ которой читается и евангеліе. По прочтеніи евангелія, священнослужащіе входятъ въ олтарь, а діаконъ читаетъ ектеніи предъ плащаницей.

Въ ночь Воскресенія Христова, въ 12-ть часовъ, послѣ канона полунощницы, обыкновенно отпѣваемой предъ самою заутренею, св. плащаница относится въ олтарь, при пѣніи пѣсни: „Благообразный Іосифъ“.. (одинъ разъ) и полагается на престолѣ; послѣ чего, священнослужащіе исходятъ изъ олтаря царскими дверьми: предстоятель съ крестомъ, а прочіе съ иконами и свѣчами, и бываетъ крестный ходъ, только не три раза вокругъ церкви, а также одинъ разъ. Къ этому прибавимъ еще ту особенность, что въ великой (и только одной великой) церкви на литургіи перваго дня праздника, во время великаго входа, священнослужащіе выносятъ за св. дарами и плащаницу, ей послѣдуетъ іеромонахъ или архимандритъ со крестомъ, вносятъ ее въ олтарь царскими вратами и потомъ уносятъ на другой престолъ южнаго придѣла во имя св. Архистратига Михаила; тутъ и остается она до дня Вознесенія, хотя на ней и не совершается литургія. Вообще на всѣхъ престолахъ великой лаврской церкви, со дня Пасхи до дня Вознесенія, литургіи совершаются не на св. плащаницахъ, какъ обыкновенно совершаются въ другихъ церквахъ лаврскихъ и не лаврскихъ, а по прежнему на однихъ алтиминсахъ. *Св. П. Т.*

—Крестный ходъ съ плащаницей послѣ вечерни великаго пятка, представляющій снятіе тѣла Спасителя со креста и положеніе его во гробъ, во времени вполнѣ согласенъ съ евангельской исторіей и, вѣроятно, начался въ Кіевѣ раньше введенія у насъ Студійскаго

устава, въ которомъ этотъ ходъ усвоенъ утренни великой субботы. Извѣстно, что въ русской церкви, до временъ преподобнаго Ѳеодосія, игумена печерскаго, существовалъ уже богослужебный уставъ, а монастырскаго или Студійскаго совсѣмъ не было; послѣдній принесенъ къ намъ уже въ концѣ XI вѣка блаженнымъ Ефремомъ. Извѣстно также, что въ первые вѣка христіанства почти каждая область имѣла въ своихъ церквахъ особый уставъ церковныхъ службъ, сходный однакожъ въ главномъ расположеніи. Знатнѣйшія обители имѣли также свои отличія какъ относительно монастырскаго благочинія, такъ и относительно богослуженія, прежде чѣмъ уставъ св. Саввы вошелъ въ общее употребленіе сначала въ Палестинѣ, и потомъ и на всемъ востокѣ. Нѣкоторые наши великороссійскіе монастыри также имѣютъ свой уставъ, нѣсколько отличный отъ Студійскаго, какъ то: монастыри Воскресенскій—Іерусалимскій и Пѣсножскій. Этимъ существованіемъ у насъ богослужебнаго устава до принесенія Студійскаго (а не одной уніей, какъ привыкли иные объяснять) и объясняются нѣкоторыя незначительныя особенности церквей югозападной Россіи. Обычай совершать крестный ходъ съ плащаницей въ великій пятокъ существуетъ во всѣхъ церквахъ югозападной и западной Россіи. Самая общность обычая ручается за древнее его происхожденіе. На востокѣ также, какъ и въ кіево-печерской лаврѣ, нѣтъ обычая хранить св. плащаницу на престолѣ отъ Пасхи до Вознесенія Господня. *Ред.*

Печат. дозв. Кіевъ. 8 мая 1865 г. Ценсоръ *Н. Щеголевъ.*

Въ типографіи Федорова.